

УДК 947.8(470.22)+314.7.045

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ – МАРГИНАЛЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ КАРЕЛИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ)

Л. И. Вавулинская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

На основе материалов местных архивов рассмотрено правовое и социально-бытовое положение спецпереселенцев – одной из маргинальных групп послевоенного советского общества. Отсутствие свободы передвижения спецпереселенцев препятствовало реализации ряда гражданских прав, дополнялось дискриминацией в оплате труда, медицинском и бытовом обслуживании, разрушало семейные связи.

Ключевые слова: спецпоселенцы (спецпереселенцы), маргиналы, репрессии, принудительный труд, административно-правовой режим.

L. I. Vavulinskaya. «SPECIAL» SETTLERS – IN THE MARGINS OF THE SOCIAL STRUCTURE OF THE SOVIET SOCIETY (KARELIA IN THE FIRST POST-WAR DECADE)

The legal and social-living status of «special» settlers – one of marginal groups of a post-war Soviet society is considered on the basis of materials from local archives. Deprivation of the freedom of movement did not let the forced migrants practise some of their civil rights, came along with discrimination in salaries, health care and consumer services, disconnected families.

Key words: «special» settlers, marginal group, repressions, forced labor, administrative-legal regime.

Изучение правового и социального положения маргинальных групп в СССР представляет собой интересную, недостаточно исследованную научную проблему, так как позволяет осветить жизнь людей, оказавшихся в силу тех или иных причин на обочине общества. В особенности это касается спецпереселенцев, которые в 1930–1950-е гг. составляли одну из самых многочисленных категорий принудительного труда в стране. В статье предпринята попытка обосновать положение о том, что спецпереселенцев послевоенного периода в полной мере можно отнести к маргинальным группам населения СССР.

Теория маргинальности как специфического культурного явления, возникающего в ситуации культурного перехода, была выдвинута в 1920-х гг. одним из основателей чикагской социологической школы Р. Э. Парком и развита Э. В. Стоунквистом. В европейской социологической литературе маргинальность трактуется значительно шире – как следствие социально-политических процессов – и употребляется в основном для обозначения социальных групп, не обладающих значимыми статусными позициями и находящихся вне установленной социальной структуры или на низших ее ступенях.

К числу наиболее крупных работ отечественных исследователей по этой проблеме относятся публикации Н. О. Навджавонова, М. И. Полякова, Е. Н. Старикова, Б. Н. Шапталова, А. И. Атояна, И. П. Поповой, З. Т. Голенковой, Е. Д. Игитханян, И. В. Казариновой, С. Л. Скорынина, Н. А. Фроловой и др. Разносторонние материалы по истории и современному состоянию концепции маргинальности, анализу маргинальных групп и их места в социальной политике государства содержит коллективная монография «Маргинальность в современной России» [2000], подготовленная по итогам работы межрегиональных научных семинаров.

Пришедший из социологии термин «маргинальность» был взят на вооружение историками. Ряд публикаций отечественных историков посвящен исследованию маргинальных групп и общностей в СССР в послереволюционный период, а также в 1920–1930-е гг. [Красильников, 1998, 2003; Лебина, 1999; Маргиналы в советском обществе..., 2001; Маргиналы в социуме..., 2004; Красильников и др., 2010 и др.]. Один из ведущих исследователей процесса раскрестьянивания России С. А. Красильников относит спецпереселенцев к числу самых массовых маргинальных групп в 1930-е гг., обосновывая это положение конкретным анализом прав и ограничений данной категории репрессированных. Автор приходит к выводу, что вытесненные «за грани формально правового советского общества», «спецпереселенцы насильственным путем были переструктурированы, превращены в универсальную рабочую силу для нужд сталинской („социалистической“) модернизации» [Красильников, 2003. С. 18].

В 2000-е гг. появились специальные исследования, освещающие проблемы маргинальных групп в 1930-х – середине 1950-х гг. Наиболее активно эти вопросы разрабатываются сибирскими историками [Маргиналы в советском обществе..., 2006, 2007; Маргиналы в советском социуме..., 2010]. В их публикациях рассматриваются процессы маргинализации ряда социальных, национальных и конфессиональных групп советского социума в контексте советской внутренней политики в 1930–1950-е гг., анализируются изменения в численности, составе и использовании трудового потенциала различных маргинальных групп советского общества, в том числе спецпоселенцев.

В статье Е. Ю. Зубковой [2009] основное внимание сконцентрировано на социальной периферии советского общества – группах населения, находившихся на низшей ступени социальной иерархии – алкоголиков, нищих, бес-

призорных детей, бродяг, уголовников (социальных маргиналов). Что касается спецпоселенцев, репатриантов, бывших заключенных, то автор относит их к группам риска – категориям населения, которые по своему нормативному статусу или реальному положению приближались к маргиналам [Зубкова, 2009. С. 103]. В статье нашли отражение вопросы правового положения спецпоселенцев-«указников» – крестьян, выселенных за невыполнение обязательного минимума трудовой и попавших под определение «антиобщественных элементов».

Большим событием стал выход в свет сборника документов «На „краю“ советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е» [2010], подготовленного Е. Ю. Зубковой и Т. Ю. Жуковой. Документы освещают государственную политику по отношению к обитателям социального «дна» послевоенного общества, а также представителям «группы риска», которые по разным причинам могли оказаться на обочине жизни.

В рамках изучения отдельных маргинальных групп послевоенного периода следует отметить работы историков, посвященные спецпереселенцам, в том числе депортированным народам (В. Земсков, Н. Бугай, П. Полян, А. Шадт, В. Бердинских, И. Бердинских, Л. Бургарт, Н. Игнатова, Л. Белковец, Е. Зберовская и др.), репатриированным (В. Земсков, Е. Вертилецкая, Ю. Арзамаскин и др.), в целом спецконтингенту (А. Суслов, Е. Боркова, Р. Бикметов и др.).

Несмотря на разные подходы к определению понятия маргинальности, общим является признание большинством авторов окраинного, изолированного положения маргинальных групп в социальной структуре: «Маргинальность в ее типичной форме – это утрата объективной принадлежности к тому или иному классу, сословию, группе без последующего вхождения в другую подобную общность. Главным признаком маргинальности служит разрыв связей (социальных, культурных, поселенческих) с прежней средой. Постепенно значение термина „маргинальность“ стало расширяться и ныне оно служит для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности по отношению к любым социальным общностям» [Красильников, 1998. С. 4].

Именно в этом качестве нас интересует концепция маргинальности, позволяющая придать целостность определенному ракурсу и способствующая более глубокому пониманию репрессивной политики сталинского

режима. В статье на материалах Карелии рассматривается положение двух групп спецпереселенцев (спецпоселенцев) послевоенного времени, состоявших преимущественно из репрессированных крестьян – «бывших кулаков» и «указников».

К началу Великой Отечественной войны на территории Карело-Финской ССР было расселено почти 30 тыс. трудпоселенцев (до 1934 г. отправленные в «кулацкую ссылку» крестьяне назывались спецпереселенцами, в 1933–1944 гг. – трудпоселенцами, с марта 1944 г. – снова спецпереселенцами (спецпоселенцами), с 1949 г. – спецпоселенцами контингента «бывшие кулаки» [Земсков, 2003. С. 18; Красильников, 2003. С. 14]), «бывших кулаков», выселенных с Урала, Центрально-Черноземной области, Поволжья, Украины. В 1941–1942 гг. в связи с военными действиями на территории республики большая часть трудпоселенцев (свыше 25 тыс. человек) была эвакуирована в тыловые области СССР. После окончания войны в республику вернулась лишь часть репрессированных. На 1 января 1945 г. на учете НКВД КФССР состояло 3686 спецпереселенцев – «бывших кулаков», из них 840 детей, 1351 женщина, 1495 мужчин [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 369, л. 177, 179].

Особенностью послевоенного спецпоселения в республике являлось то, что спецпереселенцы размещались не в спецпоселках (поселках закрытого типа с жестким режимом содержания под контролем коменданта), как до войны, а небольшими группами среди местного населения. По-видимому, это объяснялось тем, что контингент «бывших кулаков» уже не был столь многочисленным, за время пребывания в Карелии они в большинстве своем обзавелись семьями и хозяйством, а в годы Великой Отечественной войны активно участвовали в общем деле разгрома врага.

Охрана спецпереселенцев в местах поселения не предусматривалась, но для надзора за ними были организованы спецкомендатуры (в августе 1944 г. их в республике было 7). В ведении спецкомендатур находились все основные вопросы жизни спецпереселенцев: соблюдение установленного режима в местах их расселения; содействие хозяйственному и трудовому устройству; посемейный и персональный учет переселенцев и т. д. [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 110, л. 56–59]. Администрации предприятий, где работали спецпереселенцы, не позволялось допускать их перебросок на другие объекты, направления в командировки, отпуска, на лечение и т. д. без ведома комендатуры. Каждый спецпереселенец обязан был

ежемесячно являться в комендатуру на регистрацию.

К середине 1940-х гг. были отменены некоторые ограничения прав спецпереселенцев: в декабре 1935 г. их детям было разрешено на общих основаниях поступать в специальные среднетехнические и высшие учебные заведения; по постановлению секретариата ВЦСПС от 27 июля 1936 г. на трудпоселенцев, работавших на основании договоров между хозорганами и НКВД, распространялось законодательство о труде и социальном страховании; в соответствии с директивой НКВД от 8 января 1939 г. администрация обязана была на всех трудпоселенцев, работавших в хозорганизациях, заводить трудовые книжки, не делая в них отметок «трудпоселенец» и т. д. [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 110, л. 25, 26, 27].

Однако вплоть до начала 1945 г. отсутствовала официальная правовая база, определявшая положение спецпереселенцев. 8 января 1945 г. было принято постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев». Постановление определяло, что спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ряда ограничений. Спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Спецпереселенцы, главы семей, или лица, их заменяющие, обязаны были в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т. п.). За нарушения режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток [Сборник..., 1999. С. 380–381].

Таким образом, в законодательном порядке сохранялось основное ограничение для спецпереселенцев – отсутствие свободы передвижения. Оно влекло за собой ущемление других конституционных прав и свобод: на образование, получение медицинской помощи и т. д.

Жизнь спецпереселенцев строго регламентировалась не только законодательными актами и правительственными постановлениями, но и подзаконными актами – директивами, циркулярами, приказами НКВД и частично Прокуратуры СССР. Поэтому, как справедливо отмечает С. Красильников, правильнее анализировать не «правовое положение» спецпереселенцев, а режимное, дискриминационно-

ограничительное пространство, в котором они пребывали на спецпоселении и внутри которого «права» на деле являлись смягчением либо отменой ранее введенных ограничений или дискриминаций [Красильников, 2003. С. 134].

Так, с 1 сентября 1944 г. было прекращено 5%-е удержание с заработной платы спецпереселенцев на расходы НКВД по их управлению и обслуживанию. В апреле 1947 г. установлен особый порядок регистрации актов гражданского состояния и документирования населения трудовых и специальных поселков. Вместо гербового свидетельства им выдавалась целевая справка на простой бумаге (решением НКВД 1940 г. при регистрации брака, развода, рождения и смерти свидетельства об этих актах трудпоселенцам на руки не выдавались). Что касается права избирать в руководящие органы власти, то Конституция СССР 1936 г. объявила трудпоселенцев полноправными гражданами, однако их участие в выборах было своеобразным. При выдаче избирательных бюллетеней у них отбирались выданные взамен паспортов справки [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 180, л. 156].

Трагедия спецпереселенцев была в том, что формально они не считались репрессированными и не лишались свободы, но фактически являлись таковыми [Красильников, 2003. С. 118], что делало произвол на местах распространенным явлением. Имели место факты, когда органы НКВД по постановлениям местных советских органов проводили мобилизацию спецпереселенцев на работу в промышленные предприятия, стройки и городские организации. В результате семьи спецпереселенцев теряли приусадебные участки, засеянные огороды и попадали в тяжелое положение.

Проверка применения на местах постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» выявила многочисленные факты нарушения установленного порядка привлечения их к административной ответственности. Некоторые работники спецкомендатур с санкции начальников РО МВД допускали превышение своих полномочий, подвергая спецпереселенцев штрафам и арестам за оскорбление должностных лиц, за отказ от работы и т. п. Отмечались даже случаи, когда в качестве меры наказания при нарушении установленного режима применялся перевод спецпоселенцев из лучших в худшие бытовые условия (Беломорск) [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 367, л. 64–65].

Хотя формально спецпереселенцы по условиям работы, оплате труда и нормам выработки приравнивались к остальным рабочим дан-

ной отрасли промышленности, их место работы и должность определяли органы НКВД и хозяйственные органы. Из общего числа трудоспособных спецпереселенцев – «бывших кулаков» (2619 человек) в 4-м квартале 1946 г. в сельскохозяйственных предприятиях работали менее 20 %. Наибольшая часть «бывших кулаков» была занята на предприятиях Министерства речного флота (37 %), лесной промышленности (16 %), Министерства промышленности строительных материалов (15 %) и др. [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 274, л. 28].

В условиях острой нехватки кадров в послевоенные годы некоторые спецпереселенцы – «бывшие кулаки», имевшие ранее или получившие уже на спецпоселении квалификацию и специальность, были выдвинуты на руководящие должности. Так, по сведениям Летнереченской спецкомендатуры, в январе 1945 г. около 50 спецпоселенцев работали на руководящих должностях. В совхозе № 1 Пудожского района руководящие посты, за исключением директора предприятия, который являлся вольнонаемным, занимали бывшие кулаки [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 126, л. 6; д. 156, л. 3]. В отчетах о работе Отделения спецпоселений (ОСП) МВД КФССР отмечались добросовестное отношение большинства спецпоселенцев к труду, систематическое перевыполнение ими норм выработки. Признавая этот факт, необходимо учитывать, что в условиях тяжелого материального положения и жизни на спецпоселении перевыполнение производственных норм давало возможность получения дополнительных средств или определенных преимуществ для содержания семей «бывших кулаков».

В то же время не все спецпереселенцы смогли адаптироваться к новым условиям жизни. Для многих из них была характерна утрата перспектив, безразличие и усталость. Сохранение спецпоселений после победы СССР в войне вызвало разочарование в несбывшихся надеждах людей на освобождение, прямое недовольство советской властью: «Немецких солдат домой отпускать скоро будут, а нас, спецпереселенцев, никуда не пускают, надоела такая жизнь, сам себе не хозяин, не живешь, а мучаешься...»; «Спецпереселенцы, якобы, пользуются всеми правами граждан СССР, а на самом деле живут хуже, чем заключенные. Заключенные хоть знают свой срок наказания, а мы не знаем и не дают нам права выезда даже в отпуск»; «Тяжелая жизнь, живем как невольники, лишены всяких прав. Жаль и детей, которые содержатся и воспитываются в детских садах и яслях, так что они ничего хорошего не

видят. И после всего этого говорят о счастливой жизни в стране» [АМВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 276, л. 44, 106, 118].

Активной формой протеста против такого положения являлись побеги спецпереселенцев – «бывших кулаков». Только в 4-м квартале 1946 г. за побеги было привлечено к уголовной ответственности 323 человека и к административной ответственности – 64 человека [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 274, л. 18].

На основании постановления Совета Министров СССР от 7 мая 1947 г. и приказа МВД СССР от 16 мая 1947 г. спецпереселенцы – «бывшие кулаки», расселенные на территории КФСР (3788 человек), были освобождены из спецпоселений [Земсков, 2003. С. 146, 148], однако снятие с учета спецпоселения не давало реальной свободы, и предприятия, хозяйственные организации могли на вполне «законных» основаниях не отпускать работников. Освобождение спецпереселенцев от работы допускалось только по инвалидности или в случае выезда на соединение с семьей лиц, не имевших средств существования. Остальные спецпереселенцы могли увольняться с работы только на общих основаниях со всеми гражданами и несли равную ответственность за самовольный уход с работы [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 186, л. 8].

По имевшимся в МГБ КФСР данным, почти все «бывшие кулаки» остались в республике. Они получили паспорта без ограничений на общих основаниях. Государство, таким образом, избавлялось от расходов по управлению спецпоселенцами, не теряя при этом рабочую силу.

В 1948 г. на спецпоселении в республике появился новый контингент – крестьяне-«указники» (под эту категорию, как правило, попадали колхозники, не выработавшие обязательного минимума трудодней). «Указники» выселялись на 8 лет на основании постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни».

На 1 декабря 1948 г. на спецпоселении в Карело-Финской ССР содержалось 1396 «указников», выселенных из Украинской ССР. Они были расселены в 23 населенных пунктах республики мелкими группами от 20 до 30 человек [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 316, л. 213]. В свя-

зи с прибытием нового контингента спецпоселенцев число спецкомендатур в республике к декабрю 1948 г. увеличилось до 16, в штаты РО МВД дополнительно введены 18 надзирателей из расчета на каждые 100–200 спецпоселенцев 1 надзиратель [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 344, л. 166–172].

Для «указников», в отличие от «бывших кулаков», статус спецпоселенца не был наследственным. Дети, родившиеся в их семьях, считались свободными людьми с момента рождения. Родные и близкие, добровольно прибывшие в места высылки для совместного проживания с «указниками», на учет спецпоселений не ставились. Например, в ноябре 1949 г. в Карело-Финской ССР вместе с 1309 спецпоселенцами-«указниками» проживали 340 свободных людей, из них 222 – дети [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 68, л. 278].

Как свидетельствуют архивные документы, во время кампании по выселению из Украины так называемых «указников» наблюдались многочисленные случаи избавления колхозов от инвалидов, людей с хроническими заболеваниями, матерей, имевших малолетних детей и в силу этого не выполнивших обязательного минимума трудодней, а также лиц, работавших на производстве и даже не состоявших членами колхоза. К декабрю 1948 г. 228 «указников» – инвалидов 3-й группы и лиц с физическими недостатками, не способных работать в лесной промышленности, были расселены в совхозы Питкярантского, Олонецкого и Пудожского районов, 7 человек определены в дома инвалидов [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 314, л. 75].

После рассмотрения жалоб «указников» областными советами депутатов трудящихся Украины часть решений об их выселении была отменена, и они возвращены на родину. К декабрю 1949 г. по решениям исполкомов областных советов Украины было освобождено и возвращено из Карелии к прежним местам жительства 52 «указника» [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 322, л. 279; д. 412, л. 90].

С конца 1940-х гг. первостепенное внимание в работе спецкомендатур все больше концентрируется на осуществлении функций укрепления режима спецпоселений. «Конечно, работа по трудоустройству, созданию надлежащих условий быта имеет важное значение, но это все-таки второстепенная задача, – подчеркивалось в выступлении министра внутренних дел КФСР на совещании руководящих работников МВД республики и начальников РО МВД 7–8 декабря 1948 г. – Первой является надзор, режим, недопущение побегов...» [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 361, л. 50, 52].

В январе 1949 г. при МВД КФССР организуется оперативно-розыскной отряд в количестве 100 человек. В местах наиболее вероятного движения беглецов («указников», «власовцев», «немцев») оборудован 21 заградительный пост. В населенных пунктах республики и на разъездах Кировской железной дороги к осени 1949 г. созданы 82 группы содействия спецкомендатурам в количестве 553 человек из числа советского, колхозного, партийного и комсомольского актива [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 369, л. 12]. В местах расселения спецпоселенцев комендантами были назначены старшие барачников, общежитий и десятидворков, на которых возложена задача осуществлять установленный внутренний распорядок и своевременно информировать органы надзора о случаях передвижения и побегов спецпереселенцев, об изменениях в их семьях, обеспечивать своевременную явку спецпоселенцев на регистрацию. Среди спецпоселенцев была установлена групповая порука (по десяткам).

В январе 1950 г. 65 % «указников» работали на предприятиях Министерства лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, 21 % – на предприятиях Министерства промышленности строительных материалов и лишь 13 % – в совхозах [подсчитано по: ф. 3, оп. 1, д. 322, л. 304–305]. Выселенные из колхозов крестьяне, среди которых было немало инвалидов и пожилых людей, не имели навыков работы в лесу, что вызывало существенные трудности в адаптации этой категории спецпоселенцев к труду.

Нередко отмечались случаи, когда администрация предприятий самовольно поднимала нормы или снижала расценки, задерживала заработную плату. До многих рабочих нормы и расценки не доводились, не выдавались наряды на работы и расчетные книжки, поэтому отдельные спецпоселенцы не знали сумму своего заработка, получая зарплату мелкими авансами. Имели место и случаи злоупотребления служебным положением со стороны администрации предприятий. Так, в ходе проверки трудоустройства и жилищно-бытовых условий «указников», проведенной в 1949 г. Министерством внутренних дел и Министерством лесной промышленности КФССР в Верхне-Выгском и Чупинском леспромпхозах, были выявлены факты вымогательства денег у спецпоселенцев, а также грубого обращения с рабочими вплоть до применения физических мер воздействия со стороны мастера Валдайского лесопункта Верхне-Выгского леспромпхоза. Мастер лесопункта был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности. На том же лесопункте

многочисленная семья одного из спецпоселенцев, состоявшая из четырех взрослых и четырех малолетних детей, в течение пяти дней питалась только ягодами и грибами, не имея возможности покупать даже хлеб, в то время, когда главе семьи за июль 1949 г. причиталась зарплата в сумме 790 руб. [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 344, л. 225, 227].

Одной из самых острых проблем для спецпоселенцев являлась недоступность квалифицированного медицинского обслуживания, в связи с тем что реализация их права на охрану здоровья ограничивалась запретом самовольных выездов спецпоселенцев из мест обязательного поселения. В начале 1945 г. были ужесточены меры против спецпоселенцев, которые, ссылаясь на болезнь, не выходили на работу. В случае отсутствия справок от врача к ним применялось административное воздействие [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 172, л. 81–82]. Имели место и случаи прямого самоуправства со стороны администрации предприятий. Так, начальник лесоучастка Амбарная Чупинского леспромпхоза в июне 1949 г. вытолкнул из лодки направлявшуюся в больницу спецпоселенку, при этом заявив ей: «Подохни тут». Начальник лесоучастка был снят с работы [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 344, л. 225].

В связи с тем что во многих населенных пунктах не было врачей-специалистов, заболевшие спецпоселенцы направлялись для лечения в г. Петрозаводск в сопровождении надзирателей, которым выписывались командировочные. Однако районные отделения МВД получали на расходы по командировкам небольшие суммы, и вследствие этого вынуждены были придерживать направление больных спецпоселенцев в Петрозаводск или просили разрешить их отправку на лечение без сопровождающего, что применялось крайне редко из-за опасности побегов.

2 марта 1950 г. начальникам РО МВД была направлена директива министра внутренних дел КФССР, в которой говорилось: «За последнее время... участились случаи направления из районов в г. Петрозаводск без разрешения МВД республики спецпоселенцев в лечебные учреждения и на консультации к врачам-специалистам. Еще раз предлагаю: прекратить направление в г. Петрозаводск и другие города республики спецпоселенцев на лечение без официального на то разрешения МВД КФССР. Разрешаю направлять с последующей письменной санкцией только тех спецпоселенцев, которым требуется неотложная медицинская помощь в экстренных случаях... Предупреждаю, что впредь (в случае) направления спец-

поселенцев в г. Петрозаводск без разрешения МВД республики на виновных лиц буду налагать взыскания» [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 367, л. 8].

Некоторые спецпоселенцы до выселения получали пенсии как инвалиды Великой Отечественной войны или инвалиды труда. Оказавшись на спецпоселении, они лишились пенсий, так как органы социального обеспечения им в этом отказывали. Не имевшие паспортов спецпоселенцы не могли быть членами профсоюзов и поэтому были лишены ряда социальных льгот.

Одним из самых серьезных нарушений прав спецпоселенцев являлось разъединение их семей, оказавшихся в разных областях и республиках. В начале 1945 г. в Карелии было выявлено 196 разрозненных в годы войны семей спецпереселенцев – «бывших кулаков», и при проведении переучета соединено с семьями 76 человек [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 182, л. 1]. В том же году в Карело-Финскую ССР на воссоединение с главами семей прибыли 72 человека из Коми АССР [Доброноженко, Шабалова]. От спецпоселенцев в разные инстанции поступали заявления с просьбами позволить им выехать к своим родным и близким. 8 марта 1948 г. вышла директива МВД СССР № 33 о соединении разрозненных семей спецпоселенцев, предписывающая местным органам МВД оказывать содействие спецпоселенцам, желающим выехать к своим семьям в места спецпоселений других областей, краев и республик. Эта мера призвана была способствовать прочности оседания людей в местах высылки [Земсков, 2003. С. 158]. Несмотря на указания МВД СССР, отдельные РО МВД под всякими предлогами препятствовали выезду специалистов-спецпоселенцев к своим семьям в другие края, области и республики. Вынужденная разлука привела к распаду некоторых семей, так и не дождавшихся возвращения своих родных из спецпоселения. Многие спецпоселенцы обзавелись семьями в Карелии, где и остались после своего освобождения.

Еще более трагическая ситуация складывалась, когда у спецпоселенцев на родине оставались дети или престарелые родители. Так, в 1945 г. Отдел спецпоселений НКВД КФССР разрешил спецпереселенке Л., которая вместе с мужем находилась на спецпоселении в г. Беломорске, поездку на родину, в Киевскую область, за тремя детьми, 10, 14 и 16 лет, которые находились без надзора [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 150, л. 81].

Под строгим контролем спецкомендатур находились все изменения, происходившие в со-

ставе семей спецпереселенцев, о которых они обязаны были в трехдневный срок сообщить в спецкомендатуру МВД. В сентябре 1945 г. был подвергнут аресту на трое суток один из спецпоселенцев – «бывших кулаков», работавший на шлюзе Беломорско-Балтийского канала, за то, что, будучи главой семьи, не сообщил в комендатуру о рождении ребенка в августе месяце [АИЦ МВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 149, л. 153].

Ущемление прав испытывали не только непосредственные жертвы репрессий, но и их дети и родственники. В МВД КФССР от членов семей, прибывших с «указниками», поступали заявления и жалобы о том, что коменданты спецкомендатур чинили им препятствия в устройстве на работу по их усмотрению и специальности, запрещали выезд в районные центры по личным делам и грубо относились к ним. Жизненный опыт «отцов», оказавшихся изгоями в своем обществе, утрачивал ценность в глазах «детей», которые не могли обрести достойное место в основных социальных сферах.

Постановление бюро ЦК КП КФССР 30 июля 1955 г. признало, что «в районах, где проживают спецпоселенцы, имеются факты, когда партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы и руководители предприятий не учитывают того, что спецпоселенцы пользуются всеми правами граждан СССР с некоторыми лишь ограничениями в правах передвижения и допускают к ним неправильное отношение, зачастую огульно и необоснованно выражают политическое недоверие... Трудящиеся из числа спецпоселенцев часто не допускаются к выборной работе в местных советах, профсоюзных и комсомольских органах, в колхозных и кооперативных организациях. Новаторы производства и передовики сельского хозяйства из числа спецпоселенцев, как правило, не представляются к наградам и поощрениям за достигнутые ими высокие показатели в производственной работе...» [НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 6282, л. 11–12].

В 1955–1956 гг. основная масса спецпоселенцев всех категорий была освобождена, что свидетельствовало о глубоком кризисе спецпоселенческой системы.

Таким образом, в послевоенные годы спецпереселенцы являлись одной из массовых маргинальных групп советского общества. Спецпоселение обернулось для них изменением прежнего социального статуса, утратой привычной сферы деятельности и социокультурной среды, системы ценностных ориентаций, разрывом семейных связей. Формально спецпереселенцы пользовались всеми правами граждан СССР, однако отсутствие свободы

передвижения и невозможность выбора места работы, ограниченность доступа к медицинским услугам и получению высшего образования, лишение ряда социальных льгот ставили их в особое, маргинальное положение в социальной структуре послевоенного советского общества.

Литература и источники

Архив Информационного центра при МВД по РК (в тексте – АИЦ МВД РК).

Доброноженко Г., Шабалова Л. Спецпоселенцы в Коми АССР: 1945–1950 гг. (Статистико-географический аспект). URL: <http://socnet.narod.ru/Rubez/10-11/dobronozh.htm>.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

Зубкова Е. Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118.

Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с.

Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.

Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Изд. 2. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 360 с.

Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева», 1999. 320 с.

Маргинальность // Социологический словарь (Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев). М.: Норма; Инфра-М, 2010. С. 227–228.

Маргинальность в современной России. М.: Моск. общ. науч. фонд, 2000. 207 с.

Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х годов: историография, источники: Сб. науч. тр. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2001. 135 с.

Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е годы. Новосибирск: НГУ, 2006. 210 с.

Маргиналы в советском обществе: институциональные и структурные характеристики в 1930–1950-е гг. Новосибирск: НГУ, 2007. 196 с.

Маргиналы в советском социуме, 1930-е – середина 1950-х гг. Изд. 2-е, расш. и доп. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2010. 448 с.

Маргиналы в социуме: Маргиналы как социум: Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 456 с.

На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е / Сост.: Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова. М.: РОССПЭН. 2010. 816 с.

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НА РК).

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. В 2 ч. Ч. 1. Курск: ГУИППМ, 1993. 510 с.

Сергеева О. А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 104–114.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Вавулинская Людмила Ивановна

старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: ludvav@mail.ru
тел.: (8142) 575281

Vavulinskaya, Lyudmila

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petрозаводск, Karelia, Russia
e-mail: ludvav@mail.ru
tel.: (8142) 57528